

переварена, я ишу новой пищи; как только душа моя основательно узнает какой-нибудь предмет, то я ишу опять нового предмета для познания» (Письмо от 25 июня 1787 — 472—473).

Карамзин явно прибегал к выражениям Бонне, черпая аргументацию в его сенсуалистской теории.¹⁰ Проблема, решаемая Лафатером в онтологическом плане, имела для Карамзина и важный гносеологический аспект. Источником чистого эмпиризма мог быть и трактат И. Канта «Грезы духовидца» («Träume eines Geistersehers», 1766).¹¹ Но «метафизика» Канта всегда представлялась Карамзину слишком сложной, о чем сохранились его свидетельства.¹² Бонне же обладал даром художественной популяризации своего философского учения. Передавая мнение о нем Виланда, автор «Писем русского путешественника» безусловно выражал и собственную точку зрения: «Никто из Систематиков <...> не умеет так *обольщать* своих читателей, как Боннет; а особливо таких читателей, которые имеют живое воображение» (76).

Ясность и простота, художественная образность изложения сенсуалистской теории способствовали, по-видимому, «возвращению» Карамзина к Бонне в 1789 г., уже в качестве переводчика. Очень добросовестно излагая механизм формирования чувств и идей, он добивался терминологической точности. Многие вводимые им обозначения сопровождались оригинальным названием понятия в скобках: «представление» (perception), «ощущение» (sensation), «чувствование» (sentiment), «изменение» (modification), «настроение» (détermination), «естественное побуждение» (instinct), «склонность» (affection), «одинаковость» (identité) (XIX, 184, 188, 189, 194).

Позднее, в общении с Бонне, Карамзин заметит, что «трудно <...> выражать ясно на русском языке то, что на французском весьма понятно для всякого, кто хотя немного знает сей язык <...> Надобно будет составлять и выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем» (171).

¹⁰ Ср. в «Созерцании природы»: «Нервы, разным образом потрясаясь от предметов, сообщают свои потрясения мозгу; а по сим впечатлениям происходят в душе представления и ощущения» (XIX, 183).

¹¹ *Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Philologische Untersuchungen.* Berlin.; Zürich, 1968. S. 70.

¹² «В Письмах русского путешественника», описывая свою встречу со «славным», «глубокомысленным» и «все сокрушающим Кантом», он не без иронии заключил: «Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха. Домик у него маленький, и внутри приборов не много. Все просто, кроме... его Метафизики» (21).